

Ши Фэй чувствовал подвох, но сейчас его больше занимала другая досада. Небрежно швырнув сценарий на стол, он недовольно бросил:

— Хватит соглашаться на подобную халтуру от моего имени. Мне это не нравится.

Гуй Цаньхай со всей своей прямодушной медлительностью изрек:

— У тебя... в принципе... нет работы... которая... тебе бы... нравилась.

Ши Фэй поперхнулся. Возразить на это было решительно нечего, поэтому он лишь раздраженно буркнул:

— Могли бы ограничиться съемками для обложек журналов.

В самом деле, к черту эти сценарии. Ему не было никакого дела до нелепых страстей и любовных драм, которыми так упивались смертные.

И хотя в мире демонов Ши Фэй считался признанным владыкой, на арене шоу-бизнеса ему пришлось играть по правилам смертных. Разумеется, старт у него выдался куда более эффектным, чем у обычных новичков: его дебютом стала духовно-стержневая роль второго плана. Настолько призрачная и загадочная, что за весь фильм он не пересекся ни с одним персонажем и не проронил ни слова, оставаясь лишь молчаливым проводником сюжета, занятым исключительно своими делами.

Зато смотрелся он в кадре божественно. Любой случайный стоп-кадр превращался в произведение искусства, заставляя зрительниц падать в обморок от его безупречной, лишенной изъянов красоты.

После премьеры девчонки буквально сходили по нему с ума. Как земля носит такое совершенство? Армия фанаток росла как на дрожжах.

Но была в этой истории и ложка дегтя. С тех пор прошло четыре года, Ши Фэй успел сняться еще в двух фильмах, однако один язвительный критик до сих пор называл ту немую дебютную роль «актерским пиком Ши Фэя».

Тот остряк так и написал: «Ликом — ангел, игрой — полено».

Ши Фэй тогда чуть не лопнул от злости. Какое еще полено?! Он не дерево! Он, черт возьми, благородный императорский нефрит!

Гуй Цаньхай благоразумно промолчал о том, что для актерской игры между поленом и булыжником разницы никакой. Он слишком хорошо знал: для самолюбия его подопечного это принципиальное различие.

Сказать, что у Ши Фэя совсем отсутствовал актерский талант, было бы несправедливо. Когда он оставался в кадре один, его движения выглядели вполне естественно, пусть и без гениального надрыва. Но для актера с его внешностью просто «естественной» игры катастрофически не хватало. Если зритель не может оторвать глаз от твоего лица и разглядеть за ним персонажа, это провал.

Стоило же ему оказаться в паре с кем-то другим, как все летело к чертям. Любая сцена, требовавшая живых эмоций при взаимодействии с партнером, вгоняла его в ступор.

И все же, несмотря на статус великого демона, на съемочной площадке Ши Фэй проявлял завидную выдержку. Для него это было своего рода духовной практикой. В конце концов, до того как обрести человеческое тело, он веками неподвижно лежал в земле — смертным и представить сложно эту невыносимую, бесконечную скуку. Так что неудачные дубли и придирки режиссеров его не злили. Он держал себя в руках.

Но скандал все-таки грянул. И пострадал в нем не режиссер, а репутация Ши Фэя.

В тот злополучный день режиссер в сотый раз пытался выжать из него хоть какую-то искру эмоций. Потеряв терпение, старик заорал в рупор, пытаясь достучаться до его разума:

— Ты ненавидишь его! Слышишь? Всей душой презираешь! Ши Фэй, ладно, ты не любил и не знаешь, как смотреть на партнершу, но ведь враги-то у тебя были? Вспомни того, кого терпеть не можешь, и выдай мне эту ярость в кадр!

Ши Фэй послушно задумался. На память пришел старый даос, который когда-то знатно его надул. Внутри шевельнулась нужная струна, он вроде бы понял, что от него хотят... но стоило ему перевести взгляд на коллегу по площадке, как запал мгновенно испарился.

Это стало последней каплей. Режиссер, доведенный до белого каления, в отчаянии взвыл:

— Ну что опять не так?!

Ши Фэй на полном серьезе ответил:

— Но я его не ненавижу.

У старика тут же перехватило дыхание, прихватило сердце, и его унесли на носилках. Буквально на следующий день пресса гудела: заносчивая звезда Ши Фэй устроил скандал на площадке и едва не свел уважаемого режиссера в могилу.

Ши Фэй, вспоминая, как за эту глупость Комитет единого контроля вклеил ему желтую карточку, только закатывал глаза.

«Людишки. До чего же они, блядь, утомляют».

Сам он искренне не понимал, в чем провинился. Он ведь просто сказал правду! А то, что у старика сосуды слабые — его-то какая печаль?

Но у популярности есть обратная сторона. Имя Ши Фэя гарантировало просмотры, и журналисты не упускали шанса раздуть сенсацию из ничего. К тому же фанатские снимки лишь подливали масла в огонь: его холодность и нежелание заигрывать с толпой трактовали как спесь. Любой случайный кадр, где он стоял с каменным лицом, тут же преподносился как доказательство его несносного характера.

Человеческая натура завистлива: когда кто-то кажется слишком идеальным, толпа жаждет увидеть его падение. Ши Фэй с его оглушительным дебютом мозолил глаза слишком многим недоброжелателям, которые только и ждали повода смешать его с грязью. Скандал раздули до небес.

Ни оправдания агентства, ни заявления самого режиссера уже не могли остановить эту лавину. Век высоких технологий имел свои минусы: собирать силу веры через интернет стало куда проще, но и любая грязь разлеталась со скоростью лесного пожара.

В итоге за ним прочно закрепилась репутация: неописуемо красив, но безнадежно бездарен, да еще и с характером стервозной примадонны.

Тогда Гуй Цаньхай рассудил, что раз с актерством не задалось, можно попробовать эстраду. Голос у Ши Фэя был что надо, глубокий и бархатистый. Многие ведь так делают — поют, когда не умеют играть.

План казался надежным, если бы не одно «но»: голос-то у нефрита был красивым, а вот эмоций в пении — кот наплакал.

Когда Соловей, их преподаватель вокала, взмолился, прося добавить в исполнение хоть немного чувств, Ши Фэй лишь презрительно фыркнул:

— Если бы я умел чувствовать, на кой черт мне сдались бы твои уроки?

Соловей подавился воздухом.

Ну и ладно. В конце концов, в «Сияющей звезде» не зря платили бешеные деньги кудесникам звукозаписи. При желании они могли превратить в божественную симфонию даже мычание коровы. Отсутствие души в голосе Ши Фэя для них было детской забавой. Главное — запретить ему петь вживую.

Но беда пришла откуда не ждали. Наш драгоценный нефрит страдал легким недостатком самокритики. Наслушавшись отполированных до блеска студийных треков, он искренне уверовал, что поет именно так. И когда на одном из интервью дотошный репортер умоляющим тоном попросил его исполнить пару строчек а капелла, Ши Фэй взял и запел.

Если судить объективно, это не было катастрофой. Но разница между живым пением и шедевром звукорежиссеров за миллион юаней оказалась слишком очевидной. Контраст вышел оглушительным.

Конечно, все понимали, что студийные записи всегда приукрашивают голос, и многие артисты фальшивили куда хлеще. Но Ши Фэй был слишком яркой мишенью. Преданные фанаты пищали от восторга, умиляясь его непосредственности, в то время как хейтеры исходили ядом, зубоскаля, что звукоинженеру Ши Фэя нужно выплатить премию размером с годовой бюджет небольшой страны.

После этого Ши Фэй окончательно охладел и к музыке, и к кино. Сплошная скука. Все только и делали, что пеняли ему на душевную черствость. Какая разница, что делать, если толпе все равно нужно только его лицо? Логичнее просто торговать красивой мордашкой и не напрягаться.

Гуй Цаньхай сокрушенно покачал головой:

— То есть... ты решил... сдаться... под натиском... этих... злопыхателей?

Ши Фэй промолчал.

Менеджер вздохнул и добавил:

— Эх... не ожидал... что ты... окажешься... таким... слабаком.

На сей раз издевательские паузы старой черепахи попали точно в цель. Ши Фэя задело за живое.

В памяти всплыли издевки сетевых троллей, прозвавших его «бездарным булыжником». Нет, уходить побежденным он не собирался.

Немного подумав, он ледяным тоном предложил:

— Может, мне просто составить список их имен? Лет через пятьдесят они все равно передохнут, вот тогда в преисподней я с каждым и поквитаюсь.

— Это... уже... потянет... на красную карточку... от Комитета, — вернул его к реальности Гуй Цаньхай.

Недовольно цыкнув, великий демон похоронил планы о мести и нехотя придвинул к себе сценарий. Подумаешь, великое дело — покривляться на камеру!

\*\*\*

Тем временем в другом репетиционном зале Су Сянь проходил через те же круги ада, что и когда-то его грозный соперник. Учитель Соловей долго слушал его, после чего обреченно спросил:

— Скажи, почему у тебя любая песня звучит одинаково?

Пел юноша чисто, но от этого исполнения веяло чем-то неуловимо странным.

— Привычка, — вздохнул Су Сянь. — Слишком много читал сутры.

Наблюдавший за этим Ху Цзан мысленно признал, что его подопечный не врал. Раз уж сказал, что умеет читать каноны, то и поп-хиты у него выходят точь-в-точь как даосские молитвы. Уникальный талант, простому смертному такое не повторить при всем желании!

Однако Соловей, у которого от подобных «талантов» еще свежи были шрамы на душе, с содроганием прошептал:

— Только не говорите мне, что это второй Ши Фэй...

Но, взглянув на безмятежное лицо молодого даоса, он вдруг как-то странно успокоился и философски заметил:

— Хотя... возможно, это сама судьба.

Су Сянь промолчал, мысленно содрогнувшись.

«Какая еще судьба? Если это и она, то исключительно злая».

Он уже устал доказывать, что не имеет отношения к этому высокомерному нефриту, но демоны пропускали его слова мимо ушей. Даже его менеджер Ху Цзан смотрел на него с немым обожанием в стиле: «Лети, мой вольный птенец, я поддержу любое твое безумие».

Поняв, что спорить бесполезно, Су Сянь решил направить силы на учебу. Свободного времени катастрофически не хватало. Ему нужно было готовиться к даосским экзаменам и параллельно осваивать тонкости шоу-бизнеса: вокал, хореографию, модельную походку и даже правильный угол улыбки. О подобных глупостях он раньше и помыслить не мог.

Шоу талантов, в котором ему предстояло участвовать, носило незатейливое название «Свет мечты». Несмотря на банальное имя, проект обещал стать грандиозным событием года.

В списке организаторов значились исключительно титаны индустрии: крупнейшие продюсерские центры и самые популярные стриминговые платформы страны. Под трансляцию выделили трехчасовой слот на центральном телевидении в самый прайм-тайм.

О чем это говорило?

Кастинг участников мог быть каким угодно, но одно оставалось бесспорным: этим летом медиамагнаты вознамерились досуха обобрать доверчивых зрителей. И они даже не пытались это скрывать.

Внешность Су Сяня давала ему мощный козырь, однако на одних лишь красивых глазах далеко не уедешь. Да, преданных фанаток он наберет быстро, но и волна хейта от суровых критиков не заставит себя ждать.

Как любил повторять Ху Цзан:

— Мы должны сделать так, чтобы они влюбились в твое лицо, но остались ради твоего таланта!

С вокалом дела шли туго, поэтому упор сделали на хореографию. Благодаря многолетним занятиям боевыми искусствами Су Сянь обладал потрясающей гибкостью и с легкостью выполнял сложнейшие трюки. Единственной его проблемой оставалось чувство ритма, но в целом хореограф пребывал в полном восторге от нового ученика.

Правда, когда этот чрезмерно эмоциональный учитель приближался к нему, Су Сянь непроизвольно пятился назад.

Любой бы попятился, когда прямо в лицо лезет огромная змеиная харя!

Шу Цзинцунь, стажер из того же агентства, должен был войти с ним в одну временную группу. В перерыве между прогонами он решил поделиться с Су Сянем свежими слухами:

— Слышал? Говорят, боссы агентств специально бегали к какому-то мастеру фэншуй. Тот высчитал, что для удачи на проекте должно быть ровно сто восемь участников. Прямо не шоу талантов, а «Речные заводы» какие-то.

Су Сянь усмехнулся:

— Мастер наверняка был буддийским монахом.

Шу Цзинцунь изумленно вытаращился на него:

— Откуда ты знаешь?

Су Сянь лишь загадочно улыбнулся. Число сто восемь имеет сакральное значение именно в буддизме. Пусть сам он принадлежал к даосской школе, но специфику коллег по религиозному цеху знал отлично. Отсюда и мгновенная догадка.

\*\*\*

Тренировка затянулась допоздна. Поскольку общежитие находилось неподалеку от репетиционной базы, парни решили прогуляться пешком.

Путь их лежал через темный, неосвещенный переулок. Будь Шу Цзинцунь один, он бы точно струхнул в этой глухой подворотне, но присутствие надежного и сильного Су Сяня вселело уверенность. Он шагал на удивление спокойно.

Вдруг Су Сянь резко схватил его за плечо и с силой рванул назад, заставив крупного и крепкого Шу Цзинцуня едва не потерять баланс.

Испугавшись, Цзинцунь хотел было возмутиться, но осекся, заметив суровое выражение лица товарища. Су Сянь, нахмурившись, пристально вглядывался в темное пятно на асфальте.

У Шу Цзинцуня волосы встали дыбом, он затаил дыхание, боясь пошевелиться. Однако, присмотревшись, понял, что перед ними не злой дух, а нечто куда более прозаичное.

Склонившись пониже, он облегченно выдохнул:

— Тьфу ты, а я-то испугался! Это же просто куча выброшенных лекарственных трав.

Голос его так и сквозит пренебрежением.

С детства вращаясь в среде, близкой к традиционной медицине и суевериям, Шу Цзинцунь знал об этой старой практике. Некоторые тяжелобольные люди верили, что если высыпать остатки отваренных снадобий на дорогу, чтобы прохожие топтали их ногами, то вместе с пылью уйдет и хворь. Правда, на деле этот ритуал редко приносил реальное исцеление, поэтому парень мгновенно расслабился.

Однако лицо Су Сяня оставалось мрачным. Он медленно произнес:

— На эти травы наложено проклятие. Наступи ты туда — и через десять дней никакие врачи мира тебя бы уже не спасли.

<http://bllate.org/book/18264/1748650>